

Н. А. Сомкина

ТРАДИЦИИ ЗООМОРФНОЙ СИМВОЛИКИ В ОБРЯДОВОЙ СТОРОНЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ВЕРОВАНИЙ (СТАРЫЙ КИТАЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ)*

Китай — страна удивительная во многих отношениях. Несмотря на значительные темпы экономического и социоментального развития, в ней продолжают существование символы и мифологемы, появившиеся в рамках культурно-этнического самосознания народа задолго до наступления новой эры. Китайская культура славна высокой ассоциативностью, поскольку ориентирована на «золотой век» правления совершенно-мудрых императоров, и именно символы позволяют сохранять их традиции практически в неизменном виде. Кроме того, для мировосприятия китайцев никогда не была характерна концепция «человек — венец творения», равно как и противопоставление «человек — природа»; напротив, основополагающей была идея глубочайшей интеграции человека в природные процессы. Именно поэтому ряд важнейших историко-культурных феноменов получил осмысление именно в зооморфном ключе.

В данной статье речь пойдет о символах, нашедших воплощение в обрядах, ритуалах и поверьях повседневной жизни китайцев.

I. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ

Основным занятием подавляющего большинства населения Китая в древности было земледелие, оно же считалось наиболее почетным. Именно поэтому сельскохозяйственные культы страны, пожалуй, наиболее многочисленны, разнообразны и жизнеспособны в современных условиях.

Непременное условие благополучия любого урожая — своевременные и нормированные осадки. Дождями и водой в целом в Китае и сопредельных странах заведовал дракон; одно из первых свидетельств этому можно найти уже в «И-цзине» («Облака следуют за драконом») [17, т. 1, с. 4b; т. 3, с. 6b].

Вера в то, что вода находится во власти некоего змееподобного существа, характерна не только для дальневосточного региона, но и ряда других стран (например, Индии). Трудно сказать, зародились ли эти представления в одном очаге, после чего распространились на окружающие страны, либо же возникали независимо друг от друга. Китайские ученые утверждают, что образ дракона со всеми его функциями существовал уже 8 тыс. лет назад на территории нынешней провинции Ляонин, откуда распространился сперва на территорию центральной части современного Китая. Затем же, когда все этнические группы (числом более сорока), чьим тотемом был дракон, объединились и привели образ к общему знаменателю, устранив разночтения по поводу его внешнего

*Материал подготовлен при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на 2009 г.

© Н. А. Сомкина, 2010

облика, готовый на экспорт дракон отправился в Японию, страны Юго-Восточной Азии и в Америку [14, с. 223].

Размышляя о причинах соотнесения дракона с водной стихией, некоторые ученые (А.М. Решетов, Чжоу Чунфа и др.) склонны видеть в них результат наблюдений древних за грозовыми облаками или смерчем. В жизни такой традиционно земледельческой цивилизации, как Китай, мучительно переживавшей и засухи, и наводнения, вода и водная стихия, находившиеся в непосредственном ведении дракона, играли исключительно важную роль. Таким образом, в иерархии китайских божеств дракон поднялся до третьего места после Неба и Земли. Изображение дракона в Китае можно было увидеть повсюду: в храмах, во дворцах, на мемориальных обелисках, древних сооружениях, стенах крестьянских домов (в виде картинки или вырезанный из бумаги). Полагали, что он обитал в морях и реках, озерах, прудах, болотах и даже в колодцах. Кроме того, дождевые тучи на небесах также находились в его власти. Таким образом, единоличное распоряжение водными ресурсами Поднебесной давало ему в лапы власть над целой империей. Храмы повелителя драконов Лун-вана (龍王) были одними из самых многочисленных в императорском Китае. Ему отводилось немалое место даже в государственных культах.

Интересно, что по поводу власти над водной стихией существовали две версии. По первой, более распространенной, дождями заведовал только Лун-ван. Согласно второй дождь могли посылать просто отдельно взятые драконы, которые подчинялись единому правителю, опять же Лун-вану.

У каждой реки в Китае, сколь бы маленькой она ни была, имелось собственное божество-покровитель. Духом Хуанхэ сначала был Хэбо (также ассоциировавшийся со стражем севера Сюань-у), которому приносили человеческие жертвы; затем им стал дракон Лин Юань, которого связывали с реальным лицом Шэнь Сюем, жившим во времена династии Хань. После смерти он был обожествлен, при Тан и Сун его признали официально и наградили почетными титулами, при Мин удостоили титулом ван. Божество реки Янцзы — дракон Гуан Юань — был одним из чиновников древнего царства Сун, прошедшим путь обожествления так же, как и его «коллега» Шэнь Сюй; божество реки Хуайхэ — чиновник, живший в период Тан; реки Цзи — Цин, чиновник из царства Чу. Духи остальных рек были рангом ниже. Южно-китайские моряки почитали богиню реки Сицзян Лун Му (Мать Драконов), имевшую соответствующий имени внешний облик, а вообще же почитаемые божества водной стихии и всего, что так или иначе с ней связано, в основном имели облик змей или драконов [6, с. 405–407; 3, с. 132–141].

Изначально Лун-вана изображали в виде морской черепахи с головой дракона. Согласно некоторым древним текстам, Лун-ван был драконоподобным существом, выделявшимся среди прочих соплеменников необычайными размерами — около 1 *ли* (примерно 0,5 км) в длину. Образ Лун-вана сложился в первых веках н.э., по мнению ряда исследователей (французский ученый А. Масперо, М. де Виссэ и др.), под воздействием буддизма (при переводе на китайский язык буддийских сутр слово «Нагараджа», «царь змей», было передано как Лун-ван). Из буддийской литературы было заимствовано и число Лун-ванов — в тексте «Саддхармы пундарики сутры» («Сутры лотоса благого закона») их насчитывается восемь: Нанда, Упананда, Сагара, Васуки, Такшака, Анаватапта, Манасвин и Утпалака [8, с. 84, 502]. В комментариях к сутре сказано, что наги в индийской буддийской мифологии — это полубожества со змеиными туловищами и человеческими головами; наги одного вида обитали в воде (реках и морях), другого —

на суше. Когда наги злились, они сотворяли грозовые ливни. Впрочем, каноническое число хоть и стало наиболее распространенным, отнюдь не лимитировало количество Лун-ванов; в разное время и в разных интерпретациях их число варьировалось от одного до неопределенного множества.

В буддийской табели о рангах мироздания наги держали восьмую позицию. Буддийская иконография знает три образа нагов: во-первых, их могли изображать полностью в человеческом облике, с одной или несколькими змеями над головой (часто змеи выходили из тела в районе шеи; такого рода изображения были распространены в Тибете, Китае и Японии); во-вторых, это могли быть огромные змеи (например, в «Джатаках»), и в-третьих, сводный образ человека (верхняя часть туловища) и змеи (нижняя часть). Главной причиной, по которой нагов в Китае стали ассоциировать с драконами, была их водяная сущность, считает де Виссэ [1, с. 1–10].

В поздних народных верованиях Лун-ван обзавелся помощниками — богом грома Лэй-гуном, богиней молнии Дянь-му, богом ветра Фэн-бо и хозяином дождя Юй-ши. Еще позже он уже сам подчинялся верховному владыке Юй-ди и в знак уважения обязан был являться в его дворец. Считалось, что как раз в это время и идут сильные дожди. В поздней фольклорной традиции Лун-ван обычно представлялся старцем, жившим в хрустальном подводном дворце *лунгун* [5, с. 39; 7, с. 511; 14, с. 400–410].

Култ Лун-вана был чрезвычайно распространен в императорском Китае. Его храмы возводились не только в каждом городе и деревне, но и у каждого озерца и всякого колодца, хотя у всех этих источников были и свои духи-драконы рангом ниже. Однако во время засухи все молитвы были обращены к господину драконов — ведь дождями распорядился он. Если же мольбы не помогали, Лун-вану, несмотря на его богатство и могущество, приходилось несладко. Его ругали, ему угрожали, а в начале XIX в. император Цзя-цин даже подверг драконьего владыку суду и приказал выслать его в округ Или — дальнюю захолустную провинцию. Только просьбы перепуганных подданных смягчили императора, и Лун-ван с полдороги был возвращен в Пекин.

Во время засухи в Нанкине в 1890 г. местный правитель Лю Куньи в ответ на долгое нежелание Лун-вана ниспослать дождь приказал поставить его статую под палящее солнце. Очевидцы утверждают, что «идол сидел там в молчании весь день и ни разу не двинулся, будучи погруженным в серьезные размышления». Говорят, в ту же ночь последовали сильные дожди [5, с. 15].

Во время большого наводнения в Харбине 1932 г. к Лун-вану зывали долго, старательно и безуспешно. Когда стало понятно, что владыка не намерен действовать, его изображения вынесли из храма и зарыли на полузатопленном островке, так что голова только чуть-чуть возвышалась над поверхностью воды. Стоило уровню реки лишь немного повыситься, Лун-вану не оставалось ничего другого, кроме как утонуть. Убоявшись такой перспективы, Лун-ван вновь уступил давлению, ибо очевидцы утверждают, что наводнение прекратилось [2, с. 296–297].

Способов взаимодействия с драконами было несколько.

Изначально их задобривали самыми разнообразными жертвами, по большей части человеческими, однако с течением времени такого рода действия утратили популярность. Впрочем, на местах подобная практика встречалась вплоть до начала XX в. В качестве подношения чаще всего выступал крупный и мелкий рогатый скот, а также жареные ласточки.

Обряд изготовления из земли дракона с целью вызвать дождь описан у Ван Чуна

в трактате «Лунь хэн» («Критические суждения», I в. н.э), отрицавшего, впрочем, успех этого заклинания. «Если, как говорят конфуцианцы, в “И цзине” сказано “Облака следуют за драконом”, то имеют в виду настоящего дракона, а не глиняного. <...> В “И цзине” также сказано “Ветер следует за тигром”; имеется в виду, что вслед за рычанием тигра в долине поднимается ветер. Ветер следует за тигром, будучи с ним одной воздушной природы. Сделайте глиняного тигра и поставьте его в долину — поднимется ли ветер? Ведь глиняный тигр не может управлять ветром. Как же глиняный дракон может управлять дождем? Древние разводили драконов, запрягали их в колесницы и ездили на них верхом, оттого и появились род Хуань-лун (Держателей драконов) и род Юй-лун (Императорских драконичих). При дворе сяских императоров обычно держали двоих драконов, однако династия пришла к упадку, и драконы скрылись от мира. Если где-то есть настоящий дракон — и то не случается дождевых облаков, что уж говорить об изображении дракона?» [10, цз. 16, с. 1а–1б].

В 1611 г. император учредил должность императорского драконичего, обязанностью которого было сбрасывание пищи в священные драконьи заводы. Этот пост веками считался одним из наиболее почетных при дворе.

В существование дракона все еще верили даже в первой половине XX в., когда один из чиновников в Наньчане (Цзянси) Хуан Вэньцзи в мае 1931 г. направил в высшие инстанции официальную просьбу о проведении церемонии всеобщего жертвоприношения дракону, которого видели в крупнейшей реке провинции; целью жертвоприношения было задобрить означенного дракона, поскольку местности угрожало наводнение [2, с. 296–297]. Таким образом, осталось документальное свидетельство тому, что древние традиции продолжали жить в сознании китайцев, даже занимавших высокий пост.

Что касается буддийского ритуала, то установка на недеяние зла живым существам исключала кровавые или жареные жертвоприношения. Процесс молений был регламентирован в уже упомянутой «Сутре великой колесницы облаков об испрошении дождя». Если было необходимо, наоборот, прекратить затянувшиеся дожди, читали ту же самую сутру, поскольку она была предназначена не только вызывать осадки, но и в целом управлять ими, либо «Сутру Великих Златокрылых Птиц» (т.е. гаруд), чтобы напугать драконов. Сопровождавшая чтение церемония, впрочем, проводилась гораздо более скромно.

Продолжительную засуху рассматривали как отказ дракона посылать дождь. Если после продолжительных молебствий у его изображения поля оставались сухими, то изображение сперва выносили из храма, чтобы показать ему, какие последствия для страны несет его упрямство. Если это не помогало, то исполнялся обряд *бянь лун* (鞭龍) — «бичевания дракона»: по вылепленному из глины или другого материала дракону наносили удары плетью или бамбуковой палкой, бумажных или матерчатых драконов разрывали на куски, а статуи их топили. Был случай, когда крестьяне, долго молившие своего дракона о дожде, в конце концов не выдержали, выдворили его из храма и с проклятиями бросили в сточную канаву. Вскоре после этого начался дождь; крестьяне достали дракона обратно, аккуратно обтерли его и водворили на прежнее место. Иногда в реку дракона запускали металлическую дощечку, поскольку считали, что он не выносит металла. Если же небесные драконы, ответственные за своевременные дожди, начинали лениться перед лицом благородных мужей, которые были выше физического насилия, на них можно было подать жалобу в вышестоящую инстанцию, вплоть до самого Нефритового императора Юйхуана шанди, а в случае упорного саботажа — даже наказать.

В таких случаях фигуру божества подвергали физическому воздействию, выносили на палящее солнце, закапывали в навоз или ставили лицом к лицу с фигурой другого мифологического персонажа, который, как считалось, когда-то укротил его [5, с. 14].

Помимо официальных ритуалов в Китае также существовал ряд народных обрядов, целью которых было обеспечение богатого урожая и всех благоприятствующих тому условий.

В глубине веков теряется происхождение танца дракона, который в настоящее время приурочивается к Празднику фонарей. Во время этого праздника, отмечаемого пятнадцатого числа первого месяца по лунному календарю, танец с многометровым чучелом дракона — один из основных номеров в программе народных гуляний.

Существует также масса обрядов, которые китайцы проводили, а в некоторых случаях проводят и по сию пору, в повседневной жизни.

Считается, что тринадцатое число пятого лунного месяца — день рождения дракона, и, так как в этот день он находится в особо благостном расположении духа, он посылает на землю дождь. Китайцы верят, что после этого еще долго не случится засухи [18, с. 34].

Третьего числа третьего лунного месяца в Юньнани, где проживают представители народности *бай*, проводят церемонию «приглашения дракона». Двенадцать человек, рожденных в год дракона, шествуют к источнику, исполняя танец дракона; после этого соломенное чучело, изображающее повелителя воды, поливают водой из этого источника, в который затем бросают фрукты, различную выпечку и другие подношения. По окончании церемонии соломенного дракона кладут у входа в деревню и разбрызгивают захваченную из источника воду по арбузному полю, символизируя посев «семян дракона». Этим надеются избежать засухи в предстоящий сельскохозяйственный сезон и обеспечить богатый урожай.

Существует еще один связанный с надеждами на богатый урожай обряд, который проводят в начале пятого месяца по лунно-солнечному календарю. Крестьяне украшают плуги виноградной лозой, придавая им сходство с созвездием Большой Медведицы, символизирующей Дракона-Предка, и после этого проводят первые борозды. Всех червей, которых извлекают из этих борозд, отпускают в воду, что считается «отправлением дракона в его дворец». Все эти действия, как и в предыдущем случае, направлены на обеспечение хорошей погоды и богатого урожая.

Двадцать четвертого числа седьмого месяца по лунному календарю отмечают День Благодарения Воды. В этот день крестьяне бросают на поверхность воды арбузную лозу и листья и приносят различные жертвы, с тем чтобы дракон оставался в своем дворце и погода была солнечной до тех пор, пока не завершится уборка урожая. Начинается страда церемонией срезания первого стебля, которую проводит человек, рожденный в год дракона.

Ежегодно у всех этнических групп Китая проводятся специальные церемонии жертвоприношения дракону, причем у каждой национальности они проходят в разное время и в разных формах [4, с. 81–86].

Ханьцы празднуют День Дракона второго числа второго лунного месяца. В Северном Китае мастертят подобие дракона из стеблей сорго и цветной бумаги и подвешивают его к балкам на крыше, так чтобы его голова была поднята вверх, а хвост опущен вниз. В этот день жареные лепешки называют лепешками из драконьей чешуи, лапшу — лапшой из усов дракона, овощи — яйцами дракона. Женщины не шьют и не вышивают в

этот день, поскольку считается, что они могут повредить иглой глаза дракона. На юге Китая отмечают день разлуки драконов, который приходится на двенадцатый день пятого месяца по лунному календарю. Считают, что в этот день дракон покидает родителей, чтобы взять под управление земные дела, поэтому исполнен скорби и без перерыва рыдает, отсюда и то обилие дождей, выпадающих на юге бассейна Янцзы в пятом месяце по лунному календарю [15, с. 57–59].

Наиболее же распространенными на сегодня в Китае обрядами, связанными с драконом, являются танец дракона и гонки на драконьих лодках. О гонках речь пойдет ниже; что же до танца, то он включает в себя множество разновидностей, в частности танец огненного дракона, соломенного дракона, черного дракона, извивающегося дракона и пьяного дракона. Особенно популярен танец в провинции Шаньси, жители которой традиционно уделяли большое внимание этому мифическому персонажу. В настоящее время подобного рода действия распространены не только и не столько в дни, посвященные дракону, но по случаю больших календарных и официальных праздников [4, с. 81–86].

Хотя основная роль в сельскохозяйственных культах Китая отводится дракону, китайцы почитали также ряд других животных, так или иначе задействованных в хозяйстве. Кроме того, на ранних этапах становления земледельческого образа жизни в Китае имел место культ феникса — божества ветра и солнца, но со временем феникс полностью устранился из комплекса сельскохозяйственных верований.

Пятый день первого лунного месяца считают днем быка, во время которого предсказывают состояние имеющихся в хозяйстве быков: ясный день предвещает благополучие, плохая погода — беду. В этот же день люди не смеют бить и убивать быков, в некоторых районах даже кормят их рисом. Кроме того, в храмах и кумирнях, посвященных Нью-вану, возжигают ладан.

Следует отметить, что подобного рода праздники устраивают в честь и других домашних животных в Китае, причем модель их всегда практически одна и та же — предсказания благополучия (или неблагополучия) для скота по погоде в этот день, благодарственные подношения и почтительное отношение на протяжении всего дня; например, в провинциях Хубэй, Хунань, Хэбэй и Чжэцзян шестой день шестого лунного месяца — день лошади, четвертый день первого месяца — день овцы, первый день нового года — день петуха, второе число первого лунного месяца — день собаки.

Подобные праздники популярны в основном среди национальных меньшинств юго-запада Китая. Существование их объясняется тем, что домашний скот активно задействован в сельскохозяйственной жизни, и связано с историей и традициями этих этнических групп. Например, *гэло* верят, что место, где они проживают в настоящий момент, было показано им быком, который провел их туда через множество препятствий и лишений. У представителей *мяо* существует легенда о Небесном Быке, из шкуры которого сделали барабан; когда человек умирал, его душа находила дорогу домой, услышав бой этого барабана [4, с. 73–76, 81–84, 87–88, 93, 106, 107–108; 16, с. 119–122, 318].

Изобилие обрядов и культов обусловлено, во-первых, традициями национальных меньшинств и этнических групп, которые восходят к тотемистическим ритуалам. Эта категория обрядов была менее подвержена влиянию буддизма, чем, например, ритуалы ханьцев, проводившиеся под руководством духовных лиц, равно как и остальные учения триады *саньцзяо*. Объектом таких ритуалов в большинстве своем становятся сами животные, которым впоследствии надлежит транслировать образовавшуюся благодать духа на собратьев по виду.

Во-вторых, на территории такой огромной страны, как Китай, не могло не быть региональных различий: южане и северяне возделывали свои культуры, содержали своих животных и проводили, соответственно, свои обряды. Схожесть ритуалов была продиктована, с одной стороны, общностью техники их исполнения, прописанной в общих установлениях (как, например, в случае с молениями о дожде — в «Сутре великих облаков»), с другой — общностью трудовой деятельности (земледелие), выращиваемых культур (например, рис) и, соответственно, техники возделывания полей.

II. СИМВОЛИКА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Поскольку наиболее популярной мирософией среди простого населения был синкретизм, народное сознание не было сковано рамками какого-либо одного учения, государственного культа, строго регламентированного ритуала и т.п., что и определило разнообразие бытовой символики. Самым распространенным носителем ее были обряды, с одной стороны, и материальные объекты магического свойства — с другой. Ниже рассматриваются основные тематические группы символов.

1. Торжества и события личного характера

1.1. Свадьба

Количество свадебных обрядов в Китае поистине велико, не последнюю роль в этом играет то, что у каждой этнической группы свои разновидности или вариации существующих обычаев.

Если речь идет о ханьцах, то главенствующую позицию в свадебной символике держат птицы. Это обусловлено прежде всего культурно-эстетической традицией, в рамках которой любовь устойчиво ассоциировалась с пернатыми.

Во-первых, в день свадьбы в семьях жениха и невесты было принято украшать двери в доме и во дворе картинками и вырезками «Сороки расселись на ветвях» (喜鹊登之, *сицюэ дэн чжи*) и «Мандаринки резвятся в воде» (鸳鸯戏水, *юаньян си шуй*) [12, с. 127]. Сорока выступала в роли своеобразного «купилона»; согласно известной легенде, двое влюбленных, Небесный Пастух и Небесная Ткачиха, могли раз в год встретиться на перекинутом через Млечный Путь мосту из этих самых сорок. Мандариновые же утки, как и прочие птицы, которые в дикой природе живут моногамными парами, символизировали супружескую верность, так как существовало поверье, что, будучи разлученными, они умирают от тоски. Те же самые качества приписывали гусю. Так как гуси всегда летают парами, они стали символом брака, и во времена Чжоу их всегда дарили на помолвку. Считалось, что гуси никогда не заводят пару второй раз. Когда китайский жених забирал невесту из дома отца, местному гусю всегда наливали немного праздничного вина. Кроме того, одинокий гусь лейтмотивом прошел через классическую китайскую поэзию, олицетворяя страдания разлученных влюбленных [3, с. 147, 216–217]. Кроме того, одним из матримониальных символов была одноглазая и однокрылая птица *биш*. По преданию, эти птицы могли летать только парой, плотно прижавшись друг к другу, а потому стали символом гармоничного супружества. В современном Китае на свадьбах до сих пор запускают воздушных змеев в виде *биш*, а также прочих вышеупомянутых птиц [19, с. 42]. (Практика запускания воздушных змеев в Китае насчитывает

более двух тысяч лет и стала одним из любимых китайцами забав, совмещавших игру и благопожелание. Полагали, что, будучи запущенным в небо, призыв о ниспослании счастья, долголетия, богатства и прочих жизненных благ будет с большей долей вероятности услышан. Воздушных змеев изготавливали в форме распространенных символов счастья — летучих мышей, дракона, феникса, рыбы и прочих зверей и птиц — и запускали во время соответствующих торжеств [19, с. 45–47].)

В качестве свадебных декораций или подарков могли выступать и изображения бабочки, часто в сопровождении цветка (универсальный символ женской красоты). Таким подарком молодой паре желали счастливых гармоничных отношений [12, с. 84].

Кроме того, как уже упоминалось, после соблюдения всех полагавшихся торжеств в спальне новобрачных вывешивали картинку или вырезку из красной бумаги «Цилинь приносит сыновей» (麒麟送子, *цилинь сун цзы*) с пожеланиями скорейшего прибавления в семье. Полагают, что истоки этого обычая лежат в предании о рождении Конфуция, о котором возвестило явление цилиня его матери, хотя о фалломорфности лобного нароста цилиня забывать тоже не стоит.

В провинции Шаньси существует любопытный свадебный обычай, связанный с тигром. Перед свадьбой дядя жениха лепит из теста двух тигров, которых связывает красной лентой. Как только прибывает невеста, их вешают ей на шею, а после того как она войдет в комнату, их снимают и делят между женихом и невестой, что должно принести счастье в будущую семью. Эти тигры разного пола; на голове у самца рисуют иероглиф «ван», признавая таким образом, что муж является главным в семье, на голове самки лепят двух мандариновых уток, означающих, что жена последует за мужем, где бы он ни был. Маленький тигр, нарисованный на спине каждого тигра, символизирует пожелание скорейшего рождения ребенка.

В Шанхае невеста часто надевает туфли с изображением головы тигра; считается, что таким образом она получает силу тигра для укрощения мужа. В северо-восточных районах приданое невесты включает мучного тигра, шапку или подушку в виде головы тигра и т.п. с целью оградить новобрачных от дурных сил.

Лепешки «из дракона и феникса» являются традиционным свадебным кушаньем в провинции Юньнань. Семья жениха преподносит их как ответный жест за приданое семье невесты. На этих лепешках изображены соответственно феникс и дракон, а также иероглифические выражения благопожеланий.

Что касается обрядов малых народностей, то значительную их часть составляют связанные с животными, которые задействованы в сельскохозяйственных работах либо имеют отношение к этногенетическим преданиям. Так, среди брачных обрядов этнической группы *шэ* можно встретить следующий обычай: семья невесты выбирает сильного теленка и украшает его разноцветными шелковыми лентами; невеста садится в паланкин, а жених идет впереди с этим теленком на поводу, с тем чтобы паланкин пронесли над следами копыт. Полагают, что это препятствует влиянию дурных сил и приносит удачу будущей семье.

Существует еще один вариант этого обряда. Считается неблагоприятным, если две женщины, выходящие замуж одновременно, идут одной и той же дорогой, поэтому первой проходит та, что живет дальше; затем жених второй привязывает красные ленты к рогам быка и ведет его этим путем, очищая таким образом дорогу и давая возможность другой девушке проехать по ней.

В городе Дэнчэн (провинция Шэньси) существует обряд, согласно которому после

помолвки семья жениха посылает семье невесты фигурку лошади из золота, серебра или просто из желтой ткани, если семья небогата. Считается, что это способствует счастливому браку и гармонии в семье.

Особое место в свадебных обрядах занимает петух (курица). Связано это, во-первых, с тем, что иероглиф «петух» 鸡 (*цзи*) созвучен с иероглифом «удача» 吉. Во-вторых, трехлапый петух жил на солнце (согласно некоторым вариантам традиционного поверья; согласно канонической редакции, на солнце жил трехлапый ворон) и, следовательно, являл собой предельную янскую концентрацию, способную отвести любое зло, будь то нечисть или неудача.

На Тайване по сей день существует свадебный обряд, который называют «*чжидо-оци*» (指道鸡) — «курица, указывающая дорогу». Перед свадьбой родственники невесты выбирают большую курицу и молодого петуха; в день свадьбы, купив три метра красной ленты, привязывают один ее конец к лапе курицы, другой — к лапе петуха, и сажают птиц в корзину, которую подружка невесты относит в дом жениха. С этого момента птицы становятся почетными гостями и благословенной супружеской парой, которая принесет счастье и гармонию в будущую семью. Красная лента (три метра равно девяти *чи*) символизирует долгую любовь между супругами, поскольку «девять» и «долгий» звучат одинаково на тайваньском диалекте. После того как невеста входит в новую спальню, какая-либо родственница мужа выпускает обеих птиц под кровать. Если первым из-под нее выйдет петух, считают, что первым у женщины родится мальчик, если курица — девочка.

В дельте Янцзы распространен брачный обычай «передачи петуха», когда перед свадьбой жених дарит семье невесты петуха, связанного красной шелковой лентой, и во время собственно церемонии невеста возвращает его жениху.

Во время свадебной церемонии в некоторых регионах жених и невеста должны съесть белого сахарного петушка, которого обязан подарить каждый гость или, что чаще, один из родственников с обеих сторон.

В провинции Шаньдун невеста вручает маленькому мальчику большую курицу и просит его следовать за паланкином, символизируя шествие удачи вслед за новой семьей.

Кроме того, в связи с брачными обрядами хотелось бы упомянуть любопытную традицию, которая связана с довольно необычной свадьбой.

По сей день сохранился обряд, проводимый двадцать пятого числа первого месяца, который называется «Свадьба детей мыши». Ночью выключают свет и тихо сидят в постели, чтобы не мешать проведению свадьбы, ужинают слепленными из теста мышинными лапками, чтобы этим ускорить свадебный процесс, и хвостами скорпиона, чтобы защитить мышей от его укуса, и в темноте же жарят соевые бобы. Верят, что если шуметь в этот единственный день в году, мыши в ответ будут появляться и наносить мелкий вред весь оставшийся год.

В разных районах Китая существует также обряд празднования свадьбы самого главы мышиноного семейства, причем дата этой свадьбы неодинакова для разных регионов. На севере провинции Цзянсу ее проводят 16 числа первого лунного месяца, на юге — первого числа первого месяца. В провинции Хунань это четвертый день второго месяца, в Сычуани — канун Нового года и т.д. На юге люди обычно готовят конфеты из кунжута и кукурузных зерен, и с наступлением ночи дети кладут их в места, где часто замечали мышей, и громко бьют в кастрюли и сковородки, приветствуя невесту-мышь.

Обычай праздновать свадьбу мышей, по всей вероятности, произошел из наблюдений за необычайной жизнеспособностью и плодовитостью мышей; люди и по сей день часто рисуют сценки из свадьбы, как они ее себе представляют, или вырезают из бумаги пару мышей и наклеивают их на стену в спальне супругов — хозяев дома, с тем чтобы способствовать быстрому увеличению семьи. В последнее время, однако, этот обычай утрачивает популярность в наиболее крупных деревнях и селах из-за политики ограничения рождаемости, проводимой ныне в Китае [3, с. 71–73, 77, 79–80, 85–86, 90, 96, 99–101, 109–110; 1616, с. 102–105, 275, 278, 308–310].

1.2. Рождение ребенка

Рождению ребенка предшествовал ряд обрядов, направленных на благополучное зачатие и протекание всего срока беременности. Кроме того, если женщина долгое время оставалась бездетной, приходилось обращаться за помощью к высшим силам.

Так, на юге провинции Аньхой проводят церемонию «встречи дракона свечой», целью которой является мольба дракона о ниспослании сына; во время праздника фонарей по городам и селам проходит труппа, исполняющая танец дракона, и те женщины, которые хотят родить мальчика, ждут ее на окраине деревни, держа в руках красную свечу. Когда прибывают танцоры, женщины просят их обменять принесенные свечи на те, что украшают голову дракона. Полученные таким образом свечи ставят в спальне, веря, что таким образом можно гарантировать рождение мальчика. Если в этот год они действительно рожают сына, дракону подносят богатые дары в посвященном ему храме.

За помощью также обращались к слону. Каменные статуи коленапреклоненных и стоящих слонов выстроены вдоль дорог, ведущих к могилам минских императоров в Пекине и Нанкине. Бездетные женщины верили, что если положить камень на спину одного из них, это обеспечит им рождение сына [3, с. 168–171].

В случае успешного исхода молений настаивал черед обрядов, приветствовавших появление нового человека. Общего для всего Китая ритуала, обращенного к какому-либо животному, не было, однако в отдельных регионах существовал ряд собственных обычаев.

В провинции Шаньси, например, и особенно в Сиани и по сей день широко распространен обычай дарить детям подушки в виде головы тигра или тигра с двумя головами, с тем чтобы защитить его от возможных неприятностей и дурного влияния. Также на день рождения ребенку часто дарят тапочки с вышитой головой тигра или тряпичную игрушку-тигра; считают, что помимо защиты детей обоего пола это должно принести мальчикам тигриную храбрость. Кроме того, в комплекте с тапочками часто шла шапочка с вышитой на ней головой льва, чтобы довершить образ подраставшего могучего воина [12, с. 88].

В некоторых районах провинции Чжэцзян сохранился обычай после рождения ребенка заворачивать его в старую одежду и класть ненадолго в конуру, чтобы он рос быстро и легко, так же как и собака. Старую одежду используют, поскольку верят, что если ребенок «носит» подобное во младенчестве, то в будущем разбогатеет настолько, что сможет одеваться в шелк и прочие дорогие вещи. Более того, такого ребенка впоследствии не избалуют [4, с. 84, 101, 105–106].

1.3. Дни рождения и юбилеи

Самыми распространенными на день рождения были пожелание многая лета и, соответственно, подарки, символизовавшие долголетие. Зоологическая часть таковых была представлена черепахой, журавлем и оленем.

Благодаря своей способности преодолевать значительные расстояния и не в последнюю очередь собственной красоте и изяществу, журавль считался птицей волшебной. Согласно преданиям, на нем путешествовали даосские бессмертные, и такая роль посредника между миром живых и миром святых наложила на образ птицы отпечаток долголетия [11, с. 16–17]. Картина с изображением журавля, часто в сопровождении со-сны — еще одного символа долгой жизни — вкупе с пожеланиями прожить «тысячи журавлиных лет» (鶴壽千年, хэ шюу цянь нянь) считались лучшими подарками юбиляру.

Что же касается оленя, то долгожительством своим он обязан прежде всего Гэ Хуну, который в трактате «Бао пу-цзы» первым отметил: «Олень живет тысячу лет, по достижении пятисот лет становится белого цвета» [12, с. 90].

Особого внимания заслуживает черепаха, которая занимает четвертое место в квартете священных китайских животных. Причину столь почтительного отношения к ней, вероятно, следует искать в глубокой древности, во времена, когда зарождалась практика гадания на костях. Помимо гадания на костях крупного рогатого скота, волчьих, медвежьих и прочих животных широкое распространение в Китае, а затем и в Японии приобрело гадание на черепашьем панцире; таким образом, черепаха выступала своеобразным посредником между миром людей и миром духов. Почему же только она заслужила столь почтительного отношения, в то время как ее собратья по гаданию так и оставались лишь вспомогательным средством в процессе переговоров с высшими силами? Вероятно, причина в том, что черепаху считали далеким потомком дракона; один из девяти отпрысков дракона (*биси*) от черепахи отличался разве что размерами и большей близостью к могущественному предку.

Черепаха олицетворяла долголетие, силу, терпение и выносливость. Ее куполообразную спину уподобляли небесному своду, а живот — земле. Долголетие черепахи стало символом вечности; китайцы полагали, что она живет до трех тысяч лет. Священная черепаха имела голову змеи и шею дракона. Ее изваяние служило украшением императорских дворцов и постаментов для памятников на могилах знатных людей; впрочем, определить, в каком случае основанием для постамента служит черепаха, а когда — *биси*, довольно сложно. Считается, что колонны знаменитого Храма Неба в Пекине были построены на живых черепахах, поскольку считали, что если они способны жить около трех тысяч лет без воды и воздуха, то, замурованные в части здания, передадут свои способности постройке и та останется в веках. Происхождение поверий о невероятной силе черепахи, по-видимому, уходит корнями в глубокую древность. Юань Кэ в своей работе «Мифы древнего Китая» приводит рассказ о том, что однажды бессмертные, жившие на пяти священных горах, захотели безопасного места жительства, и с этой целью призвали пятнадцать громадных черных черепах, чтобы те головами поддерживали горы. Одна черепаха брала на себя гору, а две другие поддерживали ее, и так в течение шестидесяти тысяч лет они по очереди несли обязанности. Однако работу эту они выполняли крайне недобросовестно, ибо «вдруг ни с того ни с сего всей компанией начинали приплясывать, хлюпя лапами по воде». Это причиняло бессмерт-

ным неудобства, однако история умалчивает, отказались ли они от услуг четвероногих атлантов [9, с. 55]. Тем не менее слава надежной опоры сохранилась за черепахой на долгие века, и, вероятно, была подкреплена пришедшей в Китай из Индии легендой о том, что мир покоится на спине слонов, стоящих на огромной черепахе.

1.4. Пожелания счастья

Помимо ситуационно обусловленных здравниц и поздравлений традиция предусматривала и абстрактное, не привязанное к конкретному событию пожелание благополучия. В этой категории особое место занимают пожелания, основанные на омофонах.

Практически на любое торжество было принято преподнесение рыбы, ее изображения или хотя бы празднично написанного иероглифа. Рыба почиталась как символ изобилия, поскольку иероглифы «изобилие» 余 и «рыба» 鱼 имеют одинаковое чтение юй. Кроме того, в императорском Китае перед сдачей экзамена было принято дарить рыбу — символ благополучного прохождения подобного рода испытаний и достижения высоких чинов. Карпа благодаря его способности долгое время плыть против течения соотносили с жизненной стойкостью и также преподносили человеку во время жизненных неурядиц [6, с. 424]. Кроме того, иероглиф «золотая рыбка» (金鱼, цзинь юй) был созвучен с иероглифом «золото и нефрит» (金玉), поэтому изображение ее соответствовало одной из формул пожеланий богатства «Полный зал золота и нефрита» (金玉满堂, цзинь юй мань тан) [12, с. 86]. Символом богатства выступала также трехногая жаба, поскольку определение «трехногая» (三足, сань цзу) соответствовало понятию «три достатка».

Еще один популярный омофон — «летучая мышь» (蝠, фу), созвучный со «счастьем» (福). Традиционно образ летучей мыши, в большинстве случаев стилизованной под наверхние жезла Жу-и, использовался в декоративном орнаменте. Жезл считался волшебным символом счастья и благополучия, был окрашен в красный — цвет радости. Распространен был также дар в виде изображения пяти летучих мышей — графический ребус, содержащий в себе пять благопожеланий: долголетия, здоровья, богатства, любви к добродетели и естественной смерти [3, с. 84].

Весьма популярной в рамках благопожелательной традиции была и обезьяна. Иероглиф, обозначающий слово «обезьяна» (猴, хоу), был созвучен с титулом хоу (侯) (наследственный титул, второй из пяти высших титулов знати). Поэтому обезьяну часто изображали на картинках «с подтекстом»; например, обезьяна верхом на лошади (马上, ма шан) означала быстрое (ма шан) продвижение по службе, а обезьяна, сидящая на спине (背, бэй) другой обезьяны — передавать титул из поколения в поколение (辈, бэй) [12, с. 86].

Созвучен счастливому знаменю также иероглиф «слон» (象, сянь); на картинках слона часто изображают с ребенком на спине в окружении прочих благопожелательных атрибутов [12, с. 89]. «Олень» (鹿, лу) созвучен с «жалованьем чиновника» (禄, лу), поэтому сам олень выступал в качестве пожелания карьерного роста.

Наконец, благостным животным считалась свинья. Образ собственно животного добрых ассоциаций в китайцах не рождал, что и отразилось в обилии поговорок, составляющих свинью в неприглядном свете. Однако само звучание слова «свинья» (猪, чжу) гармонировало со словом «богатство» (珠, чжу), а потому было одним из любимых пожеланий процветания [12, с. 89].

1.5. Похороны

Участие петуха в похоронной церемонии встречается до сих пор и, как и в предыдущих случаях, связано с его янской сущностью.

Считалось, что крик петуха изгоняет всякую нечисть; отсюда и произошел обычай сажать на гроб белого петуха, чтобы он очищал дорогу от демонов во время шествия похоронной процессии. Китайцы говорят, что одна из трех душ покойного переходит в эту птицу. Предпочтение именно белого петуха объясняется тем, что он считался «божественным», а может быть, просто тем, что белый — цвет траура в Китае и одновременно символ чистоты сердца.

В деревнях и поселках провинций Шаньси, Хэйлунцзян, Цзилин, Ляонин и Шэньси сохранился похоронный обряд, согласно которому петух должен указать дорогу душе. С этой целью во время похоронной процессии сын или дочь покойного идут перед гробом, держа в руках петуха, чтобы тот указывал душе путь. После похорон птицу выпускают, и тот, кто ее поймает, может ее себе оставить.

В провинции Чжэцзян, когда человек тяжело заболевает, его родственники мастерят из бумаги паланкин и лошадь; когда же он умирает, их сжигают за пределами дома, с тем чтобы с их помощью душе было легче перейти в мир иной [4, с. 76–77, 91, 92, 102; 3, с. 199–200].

2. Обряды календарных праздников

Под таковыми в данном случае подразумеваются не только общекитайские праздники — Начало весны, Праздник середины осени и т.п., но и местные торжества, посвященные какому-либо животному.

Пожалуй, самыми известными и актуальными в контексте данной темы можно назвать гонки на драконовых лодках в рамках праздника Дуанью — «праздника двойной пятерки», который отмечают пятого числа пятого месяца по лунному календарю. Гонки проводят в основном на юге Китая, в Хунани и Хубэе, и особенно на Тайване. Полагают, что мероприятие корнями восходит к легенде о древнем поэте Цюй Юане, который был любим и почитаем во все времена как первый поэт в истории Китая и просто совершенный и благородный муж; согласно этой легенде, Цюй Юань бросился в реку, не выдержав преследований нечистых на руку чиновников, которые плели против него интриги при дворе. Первоначально обряд гонок на лодках замышлялся как дань тем, кто отправился на поиски его тела в реке, однако сейчас гонки превратились в захватывающее дух красочное соревнование. По поводу жертвоприношения, которое сопровождает действие, существует несколько разных версий. Самая распространенная из них — задабривание духа речного дракона лепешками из клейкого риса (粽子, *цзунцзы*), чтобы он не трогал останки поэта и не тревожил его душу; в этом случае *цзунцзы* бросают в реку. Согласно второму варианту, *цзунцзы* предназначаются собственно духу Цюй Юаня, их также пускают плавать по воде; что до третьего, то формально предназначенные дракону *цзунцзы* съедают сами китайцы. В любом случае праздник необычайно популярен в Южном Китае, где устраивают вышеупомянутые гонки, на севере же дело ограничивается чтением стихов Цюй Юаня и теми же рисовыми лепешками.

Во время праздника Дуанью, когда в остальных провинциях проводят знаменитые гонки по реке, в провинции Чжэцзян мастерят так называемые «сумки с драконьей лод-

ки» — маленькие сумочки из красной ткани в форме петушиного сердца, и набивают их чайными листьями, рисом и реалгаровым порошком. Их вешают на грудь ребенку как защитный амулет. Словосочетание «петушиное сердце» (鷄心, *цзи синь*) созвучно с чтением иероглифов «крепкая память» (记性, *цзи син*), поэтому помимо всего прочего этот амулет должен помочь ребенку в учебе.

Еще один известный праздничный персонаж — лунный заяц, о котором вспоминают во время Праздника середины осени (Чжунцюцзе). Китайцы верят, что лунный заяц живет на луне и толчет траву бессмертия, сидя в тени коричневого дерева, поэтому во время этого праздника помимо всего прочего пекут «лунные лепешки», на которых обязательно изображен заяц, иногда вместе со своей супругой-жабой.

Во многих провинциях существует обычай «подвешивания заячьей головы». В первый день нового лунного года люди вешают голову зайца, сделанную из теста, напротив дверей, чтобы оградить себя от зла и несчастий [18, с. 326–327; 3, с. 139–141, 221; 4, с. 80, 85–86, 106].

Некоторые этнические группы почитают белого тигра как владыку гор, например, *хэчжэни* приносят жертвы тигру ежегодно 3 числа третьего лунного месяца и 9 числа девятого месяца.

Представители народности *туцзя* считают белого тигра божеством, которое проявляется в двух видах: доброжелательного к людям «оседлого», которому приносят жертвы, и злого «бродячего», которого остерегаются. Последнего считают причиной детских судорог, поэтому, если ребенок вдруг заболевает, вызывают специалиста по изгнанию духов с тем, чтобы прогнать тигра. Подобного рода случаи известны и в настоящее время.

В провинции Гуандун почитают Мать Драконов и приносят ей жертвы 8 числа пятого месяца. Ежегодно у всех этнических групп Китая проводятся специальные церемонии жертвоприношения дракону, причем у каждой национальности они проходят в разное время и в разных формах.

У представителей народности *бай* можно встретить огромное количество обрядов, церемоний и традиций, посвященных дракону, которые проводятся на протяжении всего года. Кроме уже упомянутых выше сельскохозяйственных обрядов существует немало бытовых. Второй день второго лунного месяца бай считают днем Дракона-Предка. В этот день в каждой семье возжигают ладан и приносят жертвы этому дракону в виде вылепленных из теста дракона, тигра, обезьяны или феникса. Кроме того, у них существует обряд «высаживания дракона», который соответствует посадке арбузных семян, поскольку стелющиеся побеги арбуза напоминают тело дракона. В этот день люди моют и подрезают волосы, что символически называют «дракон поднимает голову». Всеми этими церемониями руководит человек, рожденный в год дракона; если в семье такого человека нет, можно попросить о помощи кого-либо из знакомых. Существует также обычай исполнения танца драконов, когда пожилой мужчина и двенадцать женщин, рожденные в год дракона, выстраиваются в ряд, изображая это животное; за ними следует толпа поющих и танцующих людей. Также популярна игра «поймка ленивого дракона»: двенадцать человек наряжаются в зодиакальных животных, и тот, который изображает дракона, играет роль «ленивого», подпрыгивая и отскакивая всякий раз, когда окружившие его игроки пытаются поймать его с помощью ротанговых колец. После того как его в конце концов поймают, он должен какое-то время пресмыкаться перед публикой в наказание за свою лень.

Существует поверье, что 24 числа шестого месяца дракон спускается с небес на землю, чтобы внимательно изучить все, что происходит в мире людей. Чтобы осветить окрестности и указать ему путь, крестьяне зажигают множество фонарей с изображением девяти драконов на них, и вешают их на деревья у входа в деревню, а также пускают фонари вплавь по воде, если в деревне есть какие-либо водоемы.

Десятого числа десятого месяца проводят обряд проводов дракона в зимнюю спячку; в одиннадцатом месяце — традиционную охоту после жертвоприношений дракону, а первые пятнадцать дней нового года — различные церемонии и обряды, посвященные Дракону-Предку.

Сегодня в Китае наиболее популярны танец дракона и гонки на драконьих лодках, о которых уже шла речь. Что же касается танца дракона, то практически повсеместно обряд, сопровождающийся танцем дракона, проводят весной, если лето обещает быть засушливым. Крестьяне проводят серию жертвоприношений, после чего исполняют танец серого дракона, во время которого за большим драконом, держа дистанцию три метра друг от друга, выстраиваются в ряд семь маленьких, и эта процессия шествует на восток через весь населенный пункт. Участники обряда три дня воздерживаются от употребления в пищу мяса; все действие сопровождается ударами в гонг, боем барабанов и взрывом пяти петард.

Почитание змеи можно и сейчас встретить к югу от Янцзы. Люди различают змей, обитающих недалеко от человека, и диких; считается, что первые могут принести человеку удачу, поскольку легенды гласят, что такие змеи отнимают рис у богатых и раздают бедным и запасы этого риса никогда не иссякнут. Однако, увидев, как змея падает на землю, выползает из норы и меняет кожу, считалось недобрым предзнаменованием.

Крестьяне в провинции Цзянсу и окрестностях регулярно совершают жертвоприношения змее на протяжении всего года. Говорят, что в храме Будды в городе Исин (Цзянсу) изваяние Будды выполнено в виде змеи (по другой версии, сама статуя способна обращаться в змею, но этому до сих пор не нашлось свидетелей).

В южной Фуцзяни никогда не убивают случайно заползших в дом змей. Напротив, их считают почетными гостями, направленными в дом духами предков с тем, чтобы ниспослать гармонию и счастье в означенную семью, поэтому самый старший из ее членов заботливо выносит змею в поле и там выпускает.

В Шаньси по случаю праздников выпекают змей из теста, с глазами из зерен сорго и монетой во рту, таким образом люди надеются привлечь в дом богатство.

В северных районах Китая особенно распространены праздники и обряды, связанные с лошадьми. Это объясняется тем, что север и северо-запад — традиционный ареал проживания этнических групп и народностей, ведущих кочевой образ жизни или имеющих предков-кочевников. Большую популярность и уважение лошадь и ее образ получили после вторжения маньчжуров на территорию Китая, поэтому в большинстве своем традиции, связанные с лошадью, произошли и развились во времена Цинской династии.

В конце августа у монголов существует праздник кумыса и традиционные скачки. Рано утром в день скачек разнаряженные пастухи, захватив с собой немного кумыса, съезжаются в назначенное место, где совершают необходимые приготовления. Скачки начинаются с восходом солнца. В них участвуют только лошади-двухлетки, символизирующие расцвет монгольского скотоводства (поскольку считается, что, как и маньчжуры, многим успехам, как завоевательным, так и повседневным, монголы прямо или косвенно обязаны лошадям, как военным, так и тем, что использовались в мирных

сельскохозяйственных целях). После скачек устраивают пиршество с песнями и игрой на струнных инструментах с колками в виде лошадиных голов.

В некоторых районах еще с древности сохранился обычай во время важных жертвоприношений сжигать бумажные иконки божеств, которые называют 纸马 (чжима) — «бумажная лошадь». Полагают, что это связано с древним обычаем приносить в жертву коней, но после того как традиция постепенно канула в лету, вместо животных используют бумажные фигурки, изображение лошади на которых отсутствует.

По сей день известна традиция, пришедшая из древней легенды о магическом фанаре из лотоса. Герой этой сказки Чэнсян недолюбливал дядю Ян Эрлана за то, что тот долгое время скверно обращался с его матерью, и тот, чтобы задобрить племянника, ежегодно 6 числа седьмого месяца посылал ему пару живых овец, поскольку иероглиф 羊 (ян), обозначающий овцу, был созвучен с его именем. С тех пор в этот день те, кто желает показать свое доброе отношение к племяннику или внуку, посылают ему пару овец, чаще сделанных из теста, нежели живых.

В даосских храмах часто стоит бронзовая овца, так как Лао-цзы любил использовать овцу в качестве средства передвижения. Наиболее известная овца находится в храме города Чэнду. Хотя ее тело по излюбленной китайской традиции состоит из частей тела всех двенадцати животных-шэнсяо, замышлялась она именно как овца Лао-цзы и никакая другая. Китайцы верят, что, если человек болен, ему стоит лишь коснуться соответствующей части тела овцы, чтобы излечиться [13, с. 213; 16, с. 25].

В Гуанси-Чжуанском автономном районе празднуют день, когда к столу традиционно подают собачье мясо, поскольку считается, что именно в пятый день пятого лунного месяца дух собаки способен отпугнуть злых демонов и приносить благо, поэтому помимо всего прочего в этот день принято дарить щенков. Собака же, наряду с тигром и петухом, также относится к категории янских животных.

В Ханчжоу (Чжэцзян) во время праздника Цинмин (24 день пятого месяца), когда китайцы чествуют предков на их могилах, из клейкого риса изготавливают маленьких собак и оставляют в комнате на весь день [2, с. 199–200, 224–225; 4, с. 71–72, 77–78, 79–80, 81–88, 91–94, 97–100, 104–106, 109–110; 3, с. 104, 139–141, 195–197, 216–218].

Мы попытались дать некоторое представление о моделях взаимодействия китайцев с высшими силами.

Во-первых, в ходу было обращение напрямую к животному посредством разнонаправленных молений; в данном случае имеются в виду просьбы о помощи, содействии или ниспослании абстрактного блага, с одной стороны, и просьбы не навредить — с другой. К культам и символам данного типа относятся духи-защитники (тигр, петух и т.д.) и духи-управители (Шэ-ван) соответственно.

Во-вторых, практиковалась апелляция не к самому животному, а к высшим силам через его, животного, образ. Наиболее типичным для этой категории являются графические изображения животного (прямой способ) и благопожелания-омофоны (косвенный способ).

В-третьих, в отдельных регионах существовали табу по отношению к ряду животных (не шить в день рождения дракона, не включать свет в день мышиной свадьбы и т.д.), что, вероятно, перекликалось с тотемистическими верованиями.

В-четвертых, имели место народные приметы, продиктованные наблюдениями за поведением животного в природе.

Разнообразие обрядов было продиктовано прежде всего различием в географической среде обитания (север — юг), роде хозяйственной деятельности (земледельцы — кочевники) и этнической принадлежностью, поскольку различные национальные общности имели свой культурный фон и свою тотемистическую подоплеку.

Литература

1. Баранов И.Г. По китайским храмам Ашихэ // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1926.
2. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 484 с.
3. Рифтин Б.Л. Лун-ван // Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. / Ин-т Дальнего Востока; гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006. [Т. 2] Мифология. Религия / Ред. М.Л. Титаренко и др. М., 2007.
4. Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Деяниях и Дхарме Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Пер. с кит. и комм. А.Н. Игнатовича. М., 1998. 537 с.
5. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Глав. ред. вост. лит. изд. «Наука», 1987. 527 с.
6. Visser M.W. de. The Dragon in China and Japan. Amsterdam: J. Müller, 1913. 242 p.
7. Werner E. T. C. A Dictionary of Chinese Mythology. New York: Julian Press, 1961. 627 p.
8. Williams C.A.S. Chinese symbolism and Art motifs. Singapore, 1999. 472 p.
9. Zhang Fang. Animal Symbolism of the Chinese Zodiac. Beijing: Foreign languages press, 1999. 158 p.
10. Ван Чун. Луньхэн (Критические суждения) (王充.论衡) // Chinese-American Digital Academic Library. URL: <http://www.cadal.zju.edu.cn/Reader.action?bookNo=06061720> (Дата обращения: 27.05.2008).
11. Пан Цзинь. Фэнхуан тэн (庞进.龙图腾. 北京, 2006) (Феникс-тотем. Пекин, 2006. 336 с.).
12. Сюй Бансюэ. Минцзянь цифу цзэци туншу (徐帮学.民间祈福择吉通书. 北京:气象出版. 2006) Народный календарь прошений о счастье и выборов благоприятных дней. Пекин: Цисян, 2006. 232 с.
13. У Юйчэн. Чжунго шэнсяо вэньхуа. (吴裕成.中国生肖文化. 天津: 人民出版社. 2003) Культура китайского Зодиака. Тяньцзинь: Жэньминь, 2003. 296 с.
14. Ху Чжаохауа. Чжунхуа шэньлун (胡照华.中华神龙. 北京: 中国城市出版社, 2003) Китайский священный дракон. Пекин: Чжунго Чэнши, 2003. 810 с.
15. Цюй Миньань, Чжэн Пин. Гоутун жэньшэнь (Чжунго цзисы вэньхуа сяньчжэн) (瞿明安、郑萍.沟通人神. 成都: 四川人民出版社, 2005) Культурные символы китайских жертвоприношений. Чэнду: Сычуань жэньминь, 2005. 244 с.
16. Чжао Байяо. Шиэр шэнсяо мяньмянь гуань. (赵伯陶.十二生肖面面观. 济南: 济南出版社, 2002) Всестороннее рассмотрение двенадцати зодиакальных знаков. Цзинань: Цзинань, 2000. 335 с.
17. Чжоу и (Книга перемен) с комментариями Ван Би. (周易/ 王弼注) Пекин, 1783. Ксил.: В 3 т.
18. Чжунго гудай миньсу / Ред. Ван Цзиньюэ. (中国古代民俗/王京悦—哈尔滨, 2004) Народные обычаи древнего Китая. Харбин, 2004. 738 с.
19. Юнь Чжунтянь. Фэнчжэн / Юньюань дэ фэнцзин — Чжунго миньсу вэньхуа. (云中天.风筝/永远的风景—中国民俗文化. 南昌: 百花洲文艺出版社, 2006) Воздушные змеи / Вечный пейзаж — китайская народная культура. Наньчан: Байхуачжоу Вэньи, 2006. 134 с.